

© Н.И. ГУБАНОВ¹, Н.Н. ГУБАНОВ², А.Э. ВОЛКОВ³

^{1,3}Тюменская государственная медицинская академия

²Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
gubanov48@mail.ru

УДК 165

ИСТИНА И ЕЕ КРИТЕРИИ

TRUTH AND ITS CRITERIA

АННОТАЦИЯ. Показано, что в настоящее время в философии имеется тенденция отказа от категории истины. Она проявляется в предложениях заменить ее понятиями достоверности, правдоподобия, смысла. Позиция авторов, отрицающих необходимость понятия истины, создает ситуацию парадоксальной само-референции: если истины нет, то и то, что утверждается постмодернистами и следующими в их фарватере отечественными авторами, тоже не истина. Поэтому последовательное проведение постмодернистских положений приводит к их самоликвидации.

Авторы статьи полагают, что категория истины и в наше время — центральное понятие гносеологии, верной теорией истины является классическая, или корреспондентская, теория. Она может включать в себя адекватные моменты концепций когеренции, прагматизма и конвенционализма. Показано, что ни отсутствие сомнения, ни польза, ни мнение большинства, ни свидетельство авторитета не являются критериями истины. Ведущим критерием истины служит эмпирическое подтверждение. Базовый его компонент — статистически достоверное наблюдение. Оно функционирует или в виде чистого наблюдения, или наблюдения в составе практики, в том числе и эксперимента. Производными от эмпирического подтверждения критериями истины служат логическая доказуемость, эвристичность, простота и красота.

SUMMARY. The article is aimed to demonstrate the current trend in philosophical studies to negate the category of truth which becomes obvious in the scientists' attempts to name it differently, to replace it with the concepts of reliability, credibility, and sense. Such position of denying the need for the concept of truth, leads to a case of paradoxical self-reference: if there is no truth, then whatever is argued by postmodernists and Russian scientists following them is also not true. Therefore, the consistent implementation of postmodernism conceptions causes their self-destruction. The authors believe that the category of truth remains the central concept of epistemology up to this day, and the right theory of truth is the classical theory of truth, or the correspondence theory. It may include some reasonable principles and conceptions of coherence, pragmatism and conventionalism. It is shown that neither the absence of any doubt, nor the benefit, nor the majority's opinion, nor the declaration of an authority are not the criteria of truth. The major criterion of truth is the empirical evidence. Its basic component is a statistically significant observation. It operates as a pure observation or an observation in practices, including experimentation. The criteria of truth derived from empirical evidence include logical provability, heuristic judgment, simplicity and beauty.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Истина, теории истины, критерии истины, парадоксальная самореференция, эмпирическое подтверждение.

KEY WORDS. Truth, a theory of truth, the criteria of truth, paradoxical self-reference, empirical evidence.

В последнее время усилилось внимание философов к проблеме истины. Показательным является название статьи Ю.В. Ларина «Проблема истинности теорий истины» [1]. Действительно, очень интересно оценить истинность самих теорий истины. Но перед этим следует сказать о том плюрализме мнений, который имеется по вопросу о необходимости самого понятия истины. Да, и до этого дошла философия. Цель статьи: показать неприемлемость отказа от категории истины и раскрыть критерии истинности знания. Вспомним вначале, что Пифагор в свое время утверждал, что «иные... рождаются жадными до славы и наживы, между тем как философы — до единой только истины» [цит. по: 2; 15]. Именно стремление к истине и породило в Древней Греции сильный ответ на вызов Аполлона, заключающийся в необходимости создания социального обеспечения для развития рационального знания, служащего прогрессу социума [3]. Некоторые философы, подобно Сократу и Бруно, жертвовали за истину жизнью. А многие современные философы жадными до истины уже не являются, а о способности из-за истины выпить яд или взойти на костер в наше время и помыслить-то нельзя. В свое время Лютер свое убеждение в существовании истины и верность ей выразил так: «На том стою и не могу иначе». Постмодернист в наше время мог бы сказать: «Стою на этом, но могу на другом и вообще на чем угодно». Отказ от истины проявляется в разной степени. А.В. Павлов отмечает, что «истина гуманитарной науки ... имеет творческий ... исторически и регионально меняющийся характер и нередко обозначается более слабыми понятиями *достоверности, правды и правдоподобия*» [4; 233]. В.М. Пивоев пишет: «Для естественного и технического знания важной характеристикой является истинность, но в сфере социальных и гуманитарных наук, в связи с присутствием субъективных интересов индивидов и масс, категория «истинности» не вполне применима, поскольку приобретает субъективно-оценочный подтекст, здесь уместнее использовать категорию «достоверности»» [5; 99]. Вот и получается, как пишет М.Н. Щербинин, «под вопросом оказывается тем самым «живая» социальность человеческой *сущности* (выделено авт.)» [6; 17].

Наконец, существует радикальная точка зрения, заключающаяся в том, что понятие истины утратило свою значимость и должно быть устранено не только из философии, но и из науки. Эту точку зрения отстаивают философы постмодернисты Ж. Деррида, Р. Рорти и др. [7] Странники этой позиции имеются и среди отечественных авторов.

В «Эпистемологии & Философии науки» провели панельную дискуссию, ведущее положение которой — необходимость замены в науке понятия истины понятием смысла [8]. Эту позицию разделяли Л.А. Маркова, А.П. Огурцов, Ю.С. Моркина. Л.А. Маркова считает, что понятие истины должно быть заменено понятием смысла. Она отмечает, что «нечеткость границы между классикой-неклассикой, истиной-ложью, субъектом-предметом приводит к понятию смысл, который присутствует в каждой из сторон противостояния» [8; 53]. Согласно А.П. Огурцову, «вместо понятия «истина» теорию науки можно построить на

основе понятия «правдоподобность научных теорий» [8; 66]. Только один участник дискуссии, А.Л. Никифоров, сохранил здоровую критичность к попыткам устранить из науки понятие истины и, в частности, отметил, что «*понятие смысла настолько неопределенно и расплывчато, что его использование для характеристики науки ничего не проясняет*» [8; 62].

По результатам отмеченной дискуссии получается, что не только философия, но и наука должна быть без истины. И это пространно обосновывается в журнале, который должен всемерно способствовать развитию науки. К счастью, представителям частных наук нет никакого дела до таких сверхтонких дискуссий, которые чем-то напоминают описанную Г. Гессе игру в бисер. Ученые как искали, так и будут искать истину. А о философах, с упоением разрабатывающих в «Эпистемологии & Философии науки» микроскопические нюансы аналитической философии и напрасно мечтающих стать там «своими», можно, перефразировав известного всем автора, сказать, что «страшно далеки они от науки».

Позиция Дерриды, других постмодернистов и некритически принимаемых их взгляды отечественных авторов, отрицающих необходимость понятия истины, создает *ситуацию парадоксальной самореференции — необходимости отнесения своих ключевых положений к собственному учению*. Если деконструкция влечет за собой разрушение всех классических философских понятий, включая и понятие истины, то Деррида и его сторонники обязаны объяснить, продолжают ли они считать, что выдвинутые ими положения являются истинными. Если они отвечает утвердительно, то оказываются логически непоследовательными, так как ранее заявляли, что истины не существует. Если же они отвечают отрицательно, т.е. полагают, что их высказывания неистинны, то трудно видеть в том, что они ранее утверждали, что-либо серьезное. Как видим, последовательное проведение постмодернистских положений приводит к их самоликвидации: если истины нет вообще, то и то, что говорится постмодернистами, тоже не истина. Разрешения этого парадокса не дали ни западные, ни отечественные постмодернисты.

Отрицание необходимости понятия истины влечет пагубные последствия не только для сферы познания. Различные области культуры зависят друг от друга. Так, релятивизм и субъективизм в гносеологии служит обоснованием релятивизма и субъективизма как в морали, так и в искусстве [9; 39-40], [10; 117]. Стирание границ между истиной и ложью содействует исчезновению различий между добром и злом. «... Позиция, согласно которой у каждого своя истина, не нацеливает на ее поиск. Но без поиска истины... жизнь становится лживой, неподлинной» [9; 39].

Мы солидарны с Ф.А. Селивановым в том, что категория истины и в наше время — центральное понятие гносеологии, правильной теорией истины является классическая, или корреспондентская, теория, берущая начало в трудах Аристотеля, по сравнению с которой все другие — неклассические ее теории — отягощены теми или иными «пороками субъективизма» [11; 57]. По словам Декарта, четко выразившим концепцию корреспонденции, «истина ... означает соответствие мысли предмету» [12; 604].

К неклассическим концепциям относится *концепция когеренции*, развитая О. Нейратом и Р. Карнапом. В этой концепции, как известно, под истиной по-

нимается такое знание, которое согласовано с другим знанием. Всякое новое положение считается истинным, если оно может войти в систему уже принятых положений без нарушения внутренней непротиворечивости этой системы. Само-согласованность знания здесь принимается за его истинность. Служить истинным — это значит являться компонентом непротиворечивой знаниевой системы. Из рассмотренного следует, что концепция когеренции не отвечает на вопрос о том, что такое истина, поскольку абстрагируется от предмета истины, т.е. эта концепция не раскрывает сущность истины, а описывает ее следующие свойства — целостность, системность, логическую непротиворечивость. Поэтому положения обсуждаемой концепции не альтернативны, как временами думают, а дополнительные к концепции корреспонденции. Благодаря указанным трем свойствам истинного знания возможен логический критерий истины — доказательность, когда без обращения к эмпирической проверке делается вполне обоснованное заключение об истинности определенных положений.

К неклассическим концепциям истины относятся еще *прагматистская* и *конвенционалистская концепции*. Первая из них, согласно Ч. Пирсу и У. Джемсу, истинным считает знание, полезное в жизни, а вторая, согласно А. Пуанкаре, — результат соглашения ученых. Однако и эти учения не раскрывают сущность истины, а эта сущность в них необоснованно приравнивается к критерию истины, который к тому же трактуется неверно. Философия осмысливает и обобщает весь человеческий опыт, начиная от повседневности и заканчивая высшими научными достижениями. В обыденных рассуждениях людей, не имеющих высшего образования, в разговорах ученых и политиков, деятелей искусства и шоу-бизнеса, даже в разговорах детей слово *истина* (а часто ее заменитель — слово *правда*) подразумевает истину *о чем-то*, знание *о какой-либо* действительности. Истина непременно предполагает знание о какой-то внешней по отношению к человеку реальности. Знание, замкнутое на себя, не имеющее отношения к реальности, никакой истинностью обладать не может. В связи с этим мы полагаем, что вопрос о сущности истины решается только теорией корреспонденции. Истина всегда есть истина о своем предмете, а не просто какое-то знание. Категория истины, если не учитывается соотношенность ее с предметом, смысла не имеет. Как справедливо отмечает В.В. Ильин, «познание бывает либо предметным, либо никаким» [13; 23]. Поэтому необоснованным мы считаем следующее утверждение: «К слабой стороне классической трактовки истины следует отнести... тот факт, что она практически не применима в гуманитарных науках, так же как и к оценке самих философских доктрин» [14; 241]. На наш взгляд, положения, подобные цитированному, распространяются в результате вызванной постмодернизмом утраты критического отношения к релятивистским и агностическим тенденциям в ситуации не имеющего меры плюрализма мнений. Распространенной стала установка: «Я имею право на свою точку зрения», но без учета того, что эта точка зрения должна основываться на изучении всей истории философии и данных частных наук.

Анализ различных сфер культуры позволяет заключить, что истина имеется во всех без исключения науках — философских, гуманитарных, социальных, математических, естественных, технических. Имеется и истина художественных произведений, если эти произведения созданы в реалистическом стиле. Мы же

не сомневаемся, что Достоевский, Толстой, Лермонтов, Пушкин, Гоголь представили нам истинные произведения. Имеется также нравственная истина, исходящая из критериев добра и зла: например, действия Киева сейчас по отношению к народу Донбасса — это зло, поскольку Киев убивает граждан, которые не хотят подчиниться фашистской хунте. И во всех случаях истина — это такое знание, которое соответствует своему предмету — фрагменту бытия, с которым взаимодействует познающий субъект.

Перейдем теперь к проблеме критерия истины. Рационалисты Лейбниц, Спиноза, Декарт считают им отсутствие сомнения, очевидность мысли, ее ясность и отчетливость. Соглашаясь, что отчетливость и ясность — положительные качества мышления (в сравнении с туманностью и запутанностью), все же нельзя признать эти показатели критерием истины. Определенные заблуждения бывают несомненными, отчетливыми и ясными, например, иллюзия вращения Солнца вокруг Земли.

Представители прагматизма критерием истины считают пользу. По их мнению, истинным является такое знание, которое полезно субъекту в различных видах деятельности, обеспечивая их эффективность. Бесспорно, что истинное знание может быть полезно людям. Поэтому и существует наука, призванная добывать такое знание. Но и ложь многим людям и даже их группам может быть полезной, причем более полезной, чем истина. Поэтому она и служит до сих пор атрибутивной чертой цивилизации, и вал ее все нарастает, затопляя острова истины и правды.

Представители конвенционализма считают критерием истинности конвенцию — соглашение ученых. В действительности же соглашение — следствие доказательств истинности, а не наоборот. Когда большинство представителей науки в ходе обсуждений и эмпирических проверок убеждается в наличии соответствия между знанием и предметом, они приходят к согласию об истинности соответствующих положений. Процесс этот очень сложный, на его этапах большинство ученых может разделять ошибочные положения, и напротив, считать неправильной верную идею. Аналогичный конвенционалистскому критерий истины признают представители концепции общезначимости: истинно то, что отвечает мнению большинства. Однако мнение большинства может быть ошибочным, а если оно верное, то возникает после доказательства истинности. Еще один критерий истины признается в тех сферах, где значительны компоненты догматизма — в религии и идеологии тоталитарных режимов. И этот критерий — свидетельство авторитета, живущего или ушедшего из жизни. Однако любой авторитет, если даже это компетентный и достойный человек, может заблуждаться. А в наше время с помощью СМИ нередко создаются «дутые» авторитеты, верить которым вообще не следует.

Итак, ни один из описанных выше факторов не может быть признан критерием истины. Рассмотрение истории развития познания, особенно научного, позволяет заключить, что действительным и ведущим критерием истины является эмпирическое, или опытное, подтверждение гипотез и теорий. Под опытом понимается наблюдение и практика (деятельность людей по изменению бытия), в том числе эксперимент — научная практика. Это правильное положение в разных аспектах разрабатывали Бэкон, Локк, Фейербах, Маркс, Энгельс и большинство отечественных философов XX века.

Опытное подтверждение выступает в нескольких формах, но базовым его компонентом служит наблюдение. Только не единичное, а статистически достоверное наблюдение, в котором снято влияние случайных непредусмотренных воздействий, ошибок восприятия, погрешностей приборов. Функционирование наблюдения в качестве базового компонента критерия истины бывает двух видов. Первый из них — чистое наблюдение, то есть осуществляемое без вмешательства в естественный ход процессов. Примером такого случая служит подтверждение гипотезы П. Ловелла о существовании новой планеты Плутон на основании телескопических наблюдений К. Томбо. Второй вид — наблюдение в составе практики — деятельности по преобразованию бытия, его целенаправленному изменению.

Чтобы понять, как функционирует эмпирическое подтверждение в форме критерия истинности, необходимо рассматривать весь познавательный цикл. Его этапы — проблема, гипотеза, теория. Проблема порождает гипотезу. Из нее посредством умозаключений формулируются следствия — возможные факты, результаты. В последующем результаты, полученные в ходе эмпирической проверки, сравниваются с этими предсказанными результатами. И если они совпадают после множества испытаний, то данная гипотеза может быть признана как истинная и приобрести уже качество научной теории. Итак, эмпирическая проверка, служащая определяющим, ведущим критерием истинности и заключающаяся в сравнении образа предсказываемых явлений с образом реальных явлений, является косвенным способом сопоставления знания с реальностью. И другого способа их сравнить нет, уж такова природа нашего познания. И если кого-то это огорчает, то, по словам еще одного известного классика, «ему уж ничем нельзя помочь». К счастью, история науки и все выдающиеся открытия показывают, что это не является непреодолимым препятствием для ее развития. Не обращая внимания на аргумент агностиков о невозможности сравнения знания с реальностью и используя описанный выше косвенный способ, ученые делали одно триумфальное открытие за другим. Важен также вопрос о критерии истинности (адекватности) чувственных восприятий, служащих и единственным непосредственным каналом связи нашего сознания с окружающим миром, и базовым элементом в составе наблюдения. Таким критерием служит опять же эмпирическое подтверждение, состоящее в успешной ориентировке людей в окружающей среде [15].

В какой-то мере трудности обоснования истинности знания преодолевались за счет существования других ее критериев, производных от ведущего. И один из них заключается в логической доказуемости. Об этом критерии мы говорим в том случае, когда при установлении истинности к эмпирической проверке не прибегают, а применяют знание, ранее удостоверенное практикой или наблюдением. Например, современный физик для доказательства своих положений использует законы, открытые Ньютоном, Омом и другими учеными и уже давно подтвержденные эмпирически. Логический критерий произведен от эмпирического в 2-х отношениях: 1) при этом в качестве исходных применяются положения, которые раньше были подтверждены эмпирически; 2) конечный результат вновь проверяется эмпирическим способом.

Иногда может быть использован такой критерий истинности, как эвристичность. Предполагается, что если данное знание может результативно решать

новые научные проблемы, то оно истинно. Этот критерий отсекает банальные идеи, которые не дают приращения научного знания. К ним относятся, например, в биологии идея непостижимой жизненной силы, в космологии — идея Мирового разума, гармонизирующего Вселенную. В некоторых случаях, когда невозможно использовать отмеченные выше критерии, для предположения степени истинности прибегают к оценке *простоты и красоты теоретических построений*. Они помогают установить предпочтительность, когда есть выбор конкурирующих гипотез. Та из гипотез, которая при объяснении обходится наименьшим числом положений и не прибегает к непроверяемым допущениям, субъективно оценивается как более истинная. То же самое и с красотой: гипотеза, субъективно представляющаяся ученому более гармоничной и изящной, кажется ему и более истинной. Три последних критерия не обладают высокой надежностью и имеют вспомогательное значение по сравнению с эмпирической проверкой и логической доказуемостью, которые служат наиболее надежными критериями истинности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ларин Ю.В. Проблема истинности теорий истины // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 10. Серия «Философия». С. 46-55.
2. Царегородцев Г.И., Шингаров Г.Х., Губанов Н.И. Философия. М.: Изд-во СГУ, 2012. 452 с.
3. Губанов Н.Н. Вызов Аполлона как стимул развития образования // Alma mater (Вестник высшей школы). 2014. № 5. С. 19-23.
4. Павлов А.В. Логика и методология науки. М.: Флинта, Наука, 2010. 344 с.
5. Пивоев В.М. Социальные и гуманитарные науки: специфика и соотношение // Вестник Ишимского госпединститута им. П.П.Ершова. 2013. №3. С. 91-101.
6. Щербинин М.Н. Фигуративность в самопознании: эстетико-антропологический опыт // Эстетическая антропология: фигуративный аспект: коллективная монография / Под ред. М.Н. Щербинина. Тюмень: Мандр и Ка, 2014. С. 3-21.
7. Губанов Н.И. Ницета философии постмодернизма // Философия и общество. 2007. № 1. С. 54-68.
8. Панельная дискуссия // Эпистемология & Философия науки. 2009. Т. XXII. № 4. С. 48-77.
9. Муравьев И.Б. Человек в диалоге культур и проблема выбора идеала // Вестник Тюменского государственного университета. 2003. № 1. С. 33-42.
10. Муравьев И.Б. Фигуративность мифо-религиозного представления о мироздании // Эстетическая антропология: фигуративный аспект. М-лы Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень: Мандр и Ка, 2013. С. 112-118.
11. Селиванов Ф.А. Благо, истина, связь. Тюмень: РИЦ ТГАКИ, 2008. 260 с.
12. Декарт Р. Соч. в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1989. 654 с.
13. Ильин В.В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. М.: Изд-во МГУ, 1993. 168 с.
14. Философия в вопросах и ответах / Ред. А.П. Алексеев, Л.Е. Яковлева. М.: Проспект, 2011. 336 с.
15. Царегородцев Г.И., Губанов Н.И. Принципиальные основания существования адекватного и знакового отражения на чувственной ступени познания // Вестник АМН СССР. 1984. № 4. С. 64-70.

REFERENCES

1. Larin, Iu.V. The problem of the validity of the theories of truth. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta — Tyumen State University Herald*. 2013. № 10. Pp. 46-55. (in Russian).
2. Tsaregorodtsev, G.I., Shingarov, G.Kh., Gubanov, N.I. *Filosofia* [Philosophy]. Moscow, 2012. 452 p. (in Russian).
3. Gubanov, N.N. Call for Apollo as an impetus for the formation. *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly) — Alma mater (Journal of Higher School)*. 2014. № 5. Pp. 19-23. (in Russian).
4. Pavlov, A.V. *Logika i metodologiya nauki* [Logic and methodology of science]. Moscow, 2010. 344 p. (in Russian).
5. Pivoev, V.M. Social and human sciences: specificity and the ratio. *Vestnik Ishimskogo gospedinstituta im. P.P.Ershova — Ershov Ishim State Pedagogical Institute Herald*. 2013. № 3. Pp. 91-101. (in Russian).
6. Shcherbinin, M.N. Figurateness in self-knowledge: the aesthetic and anthropological experience / In: *Esteticheskaya antropologiya: figurativnyi aspekt: kollektivnaya monografiya* [Aesthetic anthropology: Figurative aspect]. Tyumen, 2014. Pp. 3-21. (in Russian).
7. Gubanov, N.I. Poverty of postmodernism philosophy. *Filosofia i obshchestvo — Philosophy and Society*. 2007. № 1. Pp. 54-68. (in Russian).
8. Panel Discussion. *Epistemologiya & Filosofiya nauki — Epistemology & philosophy of science*. 2009. Vol. XXII. № 4. Pp. 48-77.
9. Murav'ev, I.B. The Man in the dialogue of cultures and the problem of choosing the ideal. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta — Tyumen State University Herald*. 2003. № 1. Pp. 33-42. (in Russian).
10. Murav'ev, I.B. Figurative mythological-religious view of the world / In: *Esteticheskaya antropologiya: figurativnyi aspekt. M-ly Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Aesthetic anthropology: Figurative aspect]. Tyumen, 2014. Pp. 112-118. (in Russian).
11. Selivanov, F.A. *Blago, istina, svyaz'* [The good, the truth, and the communications]. Tyumen, 2008. 260 p. (in Russian).
12. Descartes, R. *Soch. v 2-kh tt. T. 1* [A collection of works in 2 Vol. Vol. 1]. Moscow, 1989. 654 p. (in Russian).
13. Il'in, V.V. *Teoriya poznaniya. Vvedenie. Obshchie problemy* [Theory of knowledge. Introduction. General problems]. Moscow, 1993. 168 p. (in Russian).
14. *Filosofiya v voprosakh i otvetakh* [Philosophy in questions and answers] / Ed. by Alekseev, A.P., Yakovleva, L.E. Moscow, 2011. 336 p. (in Russian).
15. Tsaregorodtsev, G.I., Gubanov, N.I. The chief grounds for the existence of adequate and semiotic reflection on the sensory level of cognition. *Vestnik AMN SSSR — The Herald of the Academy of Medical Sciences of the USSR*. 1984. № 4. Pp. 64-70. (in Russian).

Авторы публикации

Губанов Николай Иванович — заведующий кафедрой философии Тюменской государственной медицинской академии, доктор философских наук, профессор

Губанов Николай Николаевич — доцент кафедры философии Московского государственного технического университета им. Н.Э.Баумана, кандидат философских наук

Волков Андрей Эдуардович — доцент кафедры философии Тюменской государственной медицинской академии, кандидат исторических наук

Authors of the publication

Nikolai I. Gubanov — Dr. Sci. (Philos.), Professor, Head of the Department of Philosophy, Tyumen State Medical Academy

Nikolai N. Gubanov — Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor, Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University

Andrei E. Volkov — Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Department of Philosophy, Tyumen State Medical Academy